

С. И. Вайнштейн, Г. А. Остроухов

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ А. М. ОСТРОУХОВА К ПРИКОСОГОЛЬСКИМ ТУВИНЦАМ В 1903 ГОДУ

В конце XIX — начале XX в. в России значительно возрос интерес к этнографическому изучению тувинцев¹. Особенно плодотворной была экспедиция в Туву Ф. Кона, совершенная им по заданию Русского географического общества в 1903—1904 гг.² Однако изучение различных территориальных групп тувинцев велось далеко неравномерно. Собранные к началу XX в. этнографические сведения о тувинцах касались главным образом населения долины Енисея и низовьев Хемчика, а также тоджинцев. Некоторые же территориальные группы тувинцев оставались вне поля зрения исследователей. К таким можно отнести и тувинцев Прикосоголья. И хотя у них в середине XIX в. побывали краевед Пермикин и член Русского географического общества Г. П. Гельмерсен, материалы о бытовых особенностях этой группы тувинцев остались не опубликованными.

Между тем существенным источником для суждения о некоторых сторонах культуры и быта тувинцев Прикосоголья в начале XX в. могут служить материалы, собранные в 1903 г. врачом, членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Алексеем Михайловичем Остроуховым. О своей поездке и ее результатах он рассказал в докладе на заседании Общества. Об этом сообщалось и в печати³. Собрannую во время поездки этнографическую коллекцию, насчитывающую около 200 предметов быта, А. М. Остроухов подарил Антропологическому музею при Московском университете⁴. Впоследствии эта коллекция была передана в Государственный музей этнографии народов СССР в Ленинграде. В 1904 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присудило А. М. Остроухову серебряную медаль с дипломом⁵.

Дневник экспедиции А. М. Остроухова, содержащий ценные сведения о прикосогольских тувинцах, хранится в личном архиве Г. А. Остроухова — племянника путешественника. Этот дневник содержит 135 страниц убористого текста. В нем приведены самые разнообразные сведения. Рассказывается о физическом облике исследованной группы тувинцев, образе жизни, скотоводстве, использовании в хозяйстве кожаных изделий, одежде, пище, церемониях сватовства, гигиене, погребальном обряде, верованиях и т. д.

По данным А. М. Остроухова, прикосогольские тувинцы разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, в том числе яков-сарлыков. Для транспортных целей использовали не только лошади, но и крупный рогатый скот; бедняки при перекочках грузили поклажу также на коров.

В пище была особенно велика роль молочных продуктов, причем молоко крупного и мелкого рогатого скота и кобылиц перед употреблением обычно смешивали. Вместо чая малоимущее население использовало настои различных растений — белоголовника, шиповника, коры лиственницы. Хотя прикосогольские тувинцы жили вблизи богатого

¹ С. И. Вайнштейн, Краткая история этнографического изучения тувинцев, «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968, стр. 240—255.

² Ф. Кон, Экспедиция в Сойотию, «За пятьдесят лет», т. 3, М., 1934.

³ См.: «Землеведение», 1904, т. 2, кн. 1, 2; см. также «Русские ведомости», № 338 от 9 декабря 1903 г., «Исторический вестник», т. 95 (№ 21), СПб., 1904, стр. 819.

⁴ Этнографический отдел Антропологического музея МГУ, регистр. список № 18.

⁵ Архив МГУ, ф. 61, оп. 1, лл. 7, 8, 9.

рыбой озера, ловлей ее почти не занимались, лодок не имели. Голод был здесь нередким явлением, А. М. Остроухов сообщает, например, что вблизи Дархоя нашли тувинцев, «едва двигавшихся и питавшихся одной только корой лиственницы» (стр. 89).

Интересные сведения приведены о свадебной обрядности. Помимо «избегания» невестой общения с отцом жениха, А. М. Остроухов наблюдал у прикосогольских тувин-

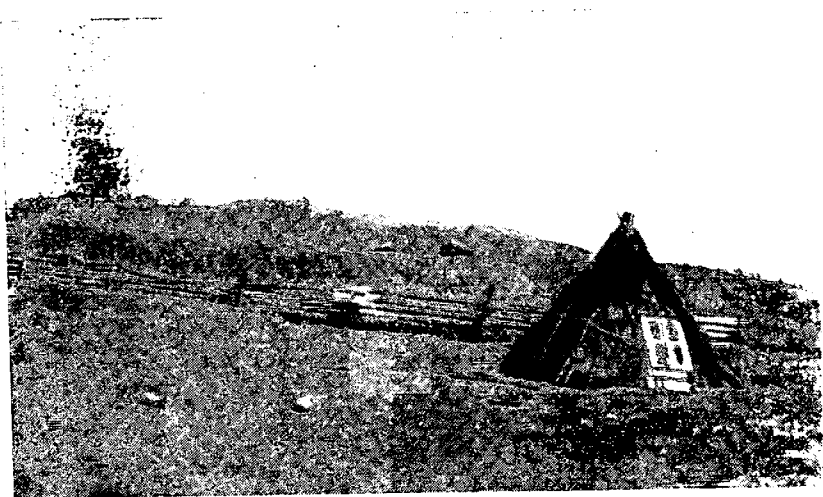

Рис. 1. Чум, покрытый кошмами. Фото А. М. Остроухова 10 июня 1903 г.

Рис. 2. Старик и мальчики 12 и 9 лет у костра. Сзади виден остров Чулун-куй.
Фото А. М. Остроухова 4 июля 1903 г.

цев любопытный обычай: «в течение года невестка ничего не берет непосредственно из рук отца мужа, но берет через другие руки» (стр. 118). Весьма интересно свидетельство А. М. Остроухова о том, что при разводе к отцу переходили мальчики, к матери — девочки (стр. 118). Исследователь ярко описывает тяжелые условия жизни тувинцев в начале XX в., показывает антисанитарные условия, в которых росли дети. Особенно подчеркивает А. М. Остроухов отсутствие квалифицированной медицинской помощи жителям.

Дневник А. М. Остроухова иллюстрирован photographиями. На одном из снимков мы видим вышедший ныне из употребления чум прикосогольских тувинцев, крытый войлоком, с деревянной дверью. В чумах жили исключительно бедняки, в то время как более обеспеченные скотоводы пользовались юртами. Владельцы чума, изображенного на снимке, как отмечает А. М. Остроухов, были бедняками, совершенно не имевшими скота. На другом снимке сфотографированы старик и два тувинских мальчика в старинной одежде. Любопытно то, что у одного из них виден пояс с нашивными бляхами. Подобные металлические бляхи, восходящие к древнетюркскому времени, были широко распространены у тувинцев еще во второй половине XVIII в.⁶, встречаются они и в погребениях XVII—XVIII вв.⁷, однако ни одного изображения поясов с такими бляхами у тувинцев пока не было обнаружено, так как еще в XIX в. они, видимо, почти полностью вышли из употребления. Указанная photographия, выполненная 4 июля 1903 г. А. М. Остроуховым, является, таким образом, единственным свидетельством сравнительно позднего бытования в Туве поясов с нашивными металлическими бляхами и дает представление о способе их ношения.

Естественно, что А. М. Остроухов, не будучи этнографом и не ставя перед собой задачи детального описания быта и культуры народа, не дал систематического и достаточно полного материала о прикосогольских тувинцах в своем дневнике. Тем не менее даже отрывочные сведения об этой группе тувинцев, приведенные путешественником, представляются нам ценным источником для историко-этнографического изучения тувинского народа.

⁶ Е. Пестерев, Примечания..., «Новые ежемесячные сочинения», т. 80, СПб., 1793, стр. 38.

⁷ В. П. Дьяконова, Поздние археологические памятники на территории Западной Тувы, «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. 2, М.—Л., 1961, рис. 23, 7.
